

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 2

2015
Июнь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Э. В.</i> Готические конвенции и воспитательная интенция в «Рассказе старой няньки» Э. Гаскелл	4
<i>Горошкова Р. Р.</i> Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов	11
<i>Климовская А. Я.</i> Гендерный аспект романов А. Брукнер «Родные и друзья» и «Заповздавшие»	18
<i>Куранда Е. Л.</i> «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой	28
<i>Придорогина Е. А.</i> Миф о женщине в дилогии Франка Ведекинда «Лулу»	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бацуева В. С.</i> Категоризация здорового образа жизни средствами фразеологии: аксиологический аспект	48
<i>Боднарук Е. В.</i> Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка)	62
<i>Бузальская Е. В.</i> Функции концепта в современном эссе	76
<i>Генералова Е. В.</i> Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв.	85
<i>Горбов А. А.</i> Механизм семантического калькирования и его роль в восполнении дефектных парадигм числа абстрактных существительных в современном русском языке	96
<i>Емельянова О. В.</i> Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (<i>Life is about people</i>)	105

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Куницына О. А.</i> Из опыта текстологического анализа представления катастрофы в новостном дискурсе (на материале газетных сообщений, освещающих тайфун Хайян).....	113
<i>Минченков А. Г., Горелова А. А.</i> Концепт DISRESPECT и возможности его изучения.....	122
<i>Нифонтова Д. Е.</i> Техники ориентации ранненововерхненемецкой драмы на рецептивные возможности ее зрителя (читателя).....	130
<i>Новожилова К. Р.</i> Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И. В. Гёте.....	136
<i>Руднев Д. В.</i> История возвратных связочных глаголов со значением возникновения.....	144
<i>Соболева Н. П.</i> Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам.....	155
<i>Федорова М. А.</i> Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода.....	164
<i>Шарихина М. Г.</i> Однородные сказуемые в языке переводного Метафрастова Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV–XVI вв.).....	177
<i>Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю.</i> Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму.....	185

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Жилякова Н. В.</i> «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в.	198
<i>Олейников С. В.</i> Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики	208

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-46846
от 30 сентября 2011 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор Вестника СПбГУ
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 15.06.2015.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 165 экз. Заказ № 000

Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс 328-44-22

К. Р. Новожилова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛОГИЧНОСТИ В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ И. В. ГЁТЕ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье исследуются функционально-коммуникативные и структурно-лингвистические особенности диалогизированного монолога, который является формой речевой репрезентации эпистолярного текста. На фоне монологической формы письма рассматривается диалогическая функция его элементов и аккумулятивная стратегия построения. Дискурсивный анализ эпистолярных текстов проведен на материале частных писем И. В. Гёте к его другу К. Ф. Цельтеру, в тексте которых регистрируются иницирующие и реагирующие виды реплик, изучается языковое своеобразие их формулирования и связывания в единый текст. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: диалогизированный монолог, диалогическая функция реплик, эпистолярный дискурс, реплицирование, иницирующая реплика, реагирующая реплика, эпистолярный стиль И. В. Гёте.

LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE DIALOGICAL FUNCTION IN THE PRIVATE LETTERS OF J. W. GOETHE

X. R. Novozhilova

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the functional, communicative and structural aspects of a monologue with some elements of a dialogue as a form of speech representation of epistolary text. The dialogical function of its elements and the accumulative strategy of its construction are discussed against the background of the monological form of the letter. The discourse analysis is based on the private letters from J. W. Goethe to his friend K. F. Celter, the text of which registers initial and reactive utterances; it also analyzes the originality of language used to form and connect these utterances into a single text. Refs 11.

Keywords: monologue with elements of a dialogue, dialogical function of utterances, epistolary text, initial utterance, reactive utterance, epistolary style of J. W. Goethe.

Частное письмо — это один из видов эпистолярного дискурса, в котором совмещается письменное монологическое высказывание с очевидными признаками устного диалога, что указывает на своеобразие ситуации эпистолярной коммуникации.

Монологичность письма представляется на первый взгляд таким же очевидным признаком, как и письменная форма его репрезентации. Она обусловлена пространственной и временной разобщенностью корреспондентов, что делает невозможным для получателя непосредственно реагировать на реплики отправителя, а также, как правило, значительной длиной текста. Письменной речи сопутствует признак подготовленности, который отражается в монологической форме эпистолярного текста с ее особой структурированностью, следующей эпистолярным канонам построения.

Элементы устного диалога, нарушающие монологическое единство письма, обусловлены прагматикой личной эпистолярной коммуникации. Прежде всего, это индивидуальная заинтересованность автора письма в обращении к своему адресату, которая может быть мотивирована различными задачами (попросить или поблагодарить, спросить или сообщить необходимые сведения и пр.) и ожиданием от адресата соответствующей реакции, которая иницируется перлокутивным эффектом. Один и тот же текст может преследовать несколько задач и сосредоточиваться не

на одной, а на нескольких темах. При этом важно, что задачи и темы эпистолярного сообщения являются актуальными либо для автора, либо для адресата, либо для них обоих. Об этом свидетельствует, в частности, темпоральность диалогических элементов, характеризующая план коммуникации (*besprochene Welt*, по Х. Вайнриху [1]). Личная мотивированность и заинтересованность автора в успехе послания является предпосылкой того, что частное письмо отличает специальная сосредоточенность на личности *конкретного* получателя и приватность сообщения. Особое внимание к адресату письма, выстраивание стратегии сообщения с установкой на конкретного индивида напоминает ситуацию непосредственного устного общения (ситуацию *face-to-face*).

Однако при диалогичности эпистолярия письмо тем не менее — это не просто письменная фиксация устных высказываний адресанта (с пропусками реплик адресата), как это делают методики дискурс-анализа. И прежде всего потому, что запись осуществляет сам говорящий, подвергая свое высказывание дополнительному автоконтролю. В этом отношении эпистолярная диалогичность напоминает по своей форме (но не по функции) литературный диалог.

Итак, жанр частного письма формируется ситуативными признаками одновременно и монологического, и диалогического высказывания и относится к эпистолярной разновидности диалогизированного монолога, когда автор письменного текста в соответствии с эпистолярными нормами имитирует устное общение с собеседником. Синкретизм монологической и диалогической форм речи сопровождается синкретизмом письменной и устной форм репрезентации, когда совмещаются языковые элементы книжности и разговорности. При этом разговорность утрачивает спонтанность, идущую от устной речи, а книжность — смысловую концентрированность и соответственно осложненность языковой формы, идущие от подготовленной письменной речи.

Ввиду своего речевого синкретизма эпистолярный стал, особенно начиная с конца XX в., интересным объектом исследования для русских и немецких лингвистов. Обзор отечественной научной литературы по этому вопросу дан в докторской диссертации О. П. Фесенко [2, с. 3–4]. Из немецких научных источников, кроме цитируемых здесь, нужно назвать содержательные книги „Briefsorten“ [3] и „Briefkultur“ [4].

Поскольку онтологически эпистолярный текст представляет собой письменный монолог адресанта, в котором имитируется ситуация диалогического общения, целесообразно, учитывая базовые характеристики письменного монологического текста, рассмотреть на его фоне признаки диалогической имитации. Различая устность и диалогичность, а также письменность и монологичность, при всей генетической близости элементов этих пар, мы в дальнейшем рассмотрим такие характеристики диалогичности в монологическом эпистолярном тексте, которые составляют его жанровое своеобразие.

К коммуникативным характеристикам диалогической речи обоснованно относится реплицирование, то есть такое формулирование задач адресанта, которое направлено на обмен репликами с эпистолярным партнером — либо иницируя его реакцию, либо реагируя на его коммуникативную инициативу. Реплицирование как коммуникативно обусловленная структура диалога является также специфической характеристикой эпистолярного текста, в котором отдельные структурные элементы выполняют разные коммуникативные задачи и относятся к разным темам, лишён-

ным между собой содержательной связи. Вместе с тем, солидаризируясь с мнением Е. В. Кокуниной [5, с. 5], следует заметить, что имея форму реплицированного послания, письмо в виде цельного текста является комплексной репликой, обращенной к письменному собеседнику.

Важную роль в письме играют языковые средства установления контакта с адресатом в виде обращений и риторических вопросов, а также персональность, соотносящая высказывание с участниками переписки — первым и вторым лицом. Но поскольку эти средства указывают на диалогичность как фундаментальное свойство речи вообще, то они не могут считаться специфическими маркерами диалогической структуры письма¹. Тем не менее следует сказать о том, что установление контакта имеет все же в эпистолярном тексте жанровую специфику. Она проявляется в соблюдении принципа вежливости (Дж. Лич), который закреплен в правилах речевого этикета, принятых в национальной традиции межличностного и, в частности, эпистолярного общения. Эти правила рекомендуют совершать соответствующие речевые действия по поводу определенных обстоятельств (поздравить с рождением, передать привет близким, выразить соболезнование), следовать принципу вежливости, формулируя просьбу, несогласие, отказ, а также использовать специальные речевые формулы, принятые в национальной эпистолярной традиции, например формулы, открывающие и завершающие текст письма.

Далее мы сосредоточимся на подвиде эпистолярного жанра «дружеское письмо» в той его типологической и индивидуальной разновидности, которую представляет собой переписка И. В. Гёте с Карлом Фридрихом Цельтером — другом поэта и композитором, переложившим на музыку многие его стихи. Письма Гёте к Цельтеру отражают эпистолярные нормы, сформировавшиеся на немецкой почве в XVIII–XIX вв. Они иллюстрирует письменный вариант узуса повседневного общения, принятый у культурной элиты немецкого общества того времени (*gebildete Umgangssprache*).

Чтобы показать, что знакомый нам прототип жанра «дружеское письмо», которого придерживался Гёте, был результатом эпистолярной реформы, сознательно прокламирующей разговорность как принцип формулирования, обратимся кратко к истокам этого жанра.

В Германии письмо как форма личного неофициального общения становится повседневным феноменом в середине XVIII в. Для распространения правил переписки издаются письмовники, содержащие эпистолярные рекомендации и примеры образцовых писем. Самым известным письмовником, было руководство Христиана Фюрхтегота Геллерта (1715–1769) „*Briefe nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen*“ — «Письма совместно с сочинением о практике хорошего вкуса в письмах». Опубликовано в 1751 г., оно стало авторитетным справочником по составлению писем для современников и повлияло на эпистолярные традиции следующих поколений. Гёте, который был учеником Геллерта в Лейпциге, следовал, особенно в юности, рекомендациям своего учителя.

Эпистолярный жанр в полной мере отразил тенденции, характерные для установившихся наддиалектных норм немецкого языка, в частности тенденцию к сближению устного и письменного языковых вариантов. «Своеобразная “диалек-

¹ Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Риторика монолога», «обращение даже к конкретному адресату не означает обязательного ответного речевого действия» [6, с. 31].

тика” немецкой языковой ситуации в XVIII веке, — отмечает Н. Н. Семенюк, — заключалась в том, что обществу предстояло решить две задачи: научиться говорить, как пишут, и научиться писать, как говорят» [7, с. 230].

Именно этот принцип — «писать, как говорят» — пропагандировал в своей эпистолярной теории Геллерт. (Этих же правил он придерживался в своем литературном творчестве.) Примером для эпистолярного стиля он считал устную беседу с ее естественностью и свободой выражения: «Письмо является свободным подражанием доброму разговору» („Der Brief ist eine freye Nachahmung des guten Gesprächs“)². Однако проповедуя естественность, Геллерт имел в виду «прекрасную естественность» („schöne Natürlichkeit“), то есть письменную имитацию устной речи, которая контролируется говорящим, его «хорошим вкусом» („guter Geschmack“). Следуя принципам Геллерта, тот же совет дает сестре в своем письме от 6 декабря 1765 г. молодой Гёте: «Пиши так, как говоришь» („Schreibe nur, wie du reden würdest“). Принцип естественности, проводимый Геллертом, означал реформирование в духе нового времени официальной письменной традиции, которой придерживались в своей переписке его предшественники. Однако неофициальность («естественность и свобода») не означает у Геллерта спонтанности, свойственной устной речи, — это скорее имитация ее, или, пользуясь определением Роберта Феллузига, мимезис устности [9, с. 86]. Самой характерной коммуникативной формой употребления устной разговорной речи является диалог, который тоже имитируется в письме.

Как уже было сказано, мы рассмотрим на материале дружеских писем Гёте специфические для монологического текста письма структурные элементы, обладающие функцией диалогичности и исследуем их лингвопрагматические характеристики в эпистолярном идиостиле этого автора.

В соответствии со статьей в Лингвистическом энциклопедическом словаре, монолог характеризуют «значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющие индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершенность» [10, с. 310]. Что касается эпистолярного текста, то обращает на себя внимание, что его композиционные элементы не обнаруживают, по крайней мере, содержательной связности, выполняя несколько отдельных и самостоятельных задач. Так, например, Гёте в своем сравнительно небольшом по длине письме Цельтеру от 28 апреля 1824 г. [11, с. 148–149] сообщает об отъезде знакомого ему профессора классической филологии Фридриха Августа Вольфа, о получении сборника хоралов, который он посылал Цельтеру, о подготовке праздника в Мёглине, благодарит Цельтера за выполнение его просьбы, поздравляет его с праздником Пасхи, сообщает о своих занятиях ораторией Генделя «Мессия», желает другу хорошей весны. Коммуникативные задачи автора письма реализуются элементами текста, которые имеют диалогическую функцию реплик, обращенных к адресату. Реплики тематически не связаны между собой, что позволяет говорить о стратегии аккумуляции при создании текста письма. Они имеют разный объем, необходимый для языковой реализации авторского намерения. При отсутствии тематической связности эти реплики, как отдельные элементы цельного текста, созданного одним говорящим, объединены образом отправителя, поскольку относятся к отдельным ситуациям его

² Цитируется по: [8, с. 1056].

жизненного континуума, особо актуальным и важным для него в период написания письма, и предназначены одному конкретному получателю.

Задачи, сформулированные в письмах Гёте и адресованные его другу Цельтеру, можно обобщить. Это вопрос, просьба совершить какое-либо действие, приглашение в гости, выражение благодарности, соболезнование, извинение, пожелание благополучия, обещание, ответ на вопрос или просьбу, информирование друга о событиях своей внешней и внутренней жизни. Реплики, формулирующие эти задачи, имеют диалогическую функцию на разных основаниях. Самоочевидная диалогичность отличает реплики, которые либо инициируют реакцию (отклик) адресата, либо сами являются реакцией (откликом) на инициирующую реплику из его предыдущего письма.

К инициирующим репликам в этих эпистолярных текстах относятся вопрос и просьба, к реагирующим — выражение благодарности, соболезнование и ответ на вопрос или просьбу. Однако, говоря условно, и инициирующей, и реагирующей может быть каждая реплика письма. Прежде всего это относится к репликам, информирующим о событиях в жизни отправителя. (Следует заметить, что в анализируемых письмах Гёте информирующие реплики преобладают.) Поскольку обоих эпистолярных партнеров связывают близкие и доверительные отношения, интерес и отклик может инициировать любое сообщение друга. Кроме того, эпистолярный речевой этикет требует откликнуться на то, что сообщает о себе партнер по переписке.

Что касается речевого этикета, то все прагматические виды реплик в письмах Гёте следуют его правилам — либо в своем назначении, либо в формулировке. Очевидно, что реплики, выражающие благодарность, соболезнование, извинение, пожелание благополучия как раз и предназначены для соблюдения правил вежливости.

Посмотрим, как формулируется в анализируемых текстах диалогичность, как посредством языка реализуются прагматические цели инициирующих и реагирующих реплик и как они образуют единую текстовую структуру письма.

Самые общие типы реплик, обращенные к получателю письма, представлены инициирующими репликами вопроса и просьбы, а также реагирующими репликами отклика на полученную информацию.

Обращаясь к инициирующим репликам, можно предположить, что самой распространенной языковой структурой, формулирующей вопрос, будет вопросительное предложение. Но у Гёте это не так. Прямым вопросам типа

- (1) *Kennst Du nachstehende Reimzeilen?* [11, S. 142],

которые во всем корпусе представлены лишь двумя примерами, предпочитают вопросы косвенные (впрочем, тоже не частые):

- (2) *...so will ich die Frage tun, ob Du den „Satyros“...gelesen hast* [11, S. 15];
- (3) *Wie er <Haendel> jedoch jenes herrliche Dichterwerk behandelte, wie er es epitomierte, wär ich neugierig zu wissen* [11, S. 359];
- (4) *Nun aber vertraue mir ein öffentliches Geheimnis: wie die drei Professoren Eurer Universität heissen, die zur katholischen Religion übergetreten sind...* [11, S. 360].

То обстоятельство, что вопрос формулируется диктумом (он подчеркнут в примерах) при разном языковом оформлении модусной части можно объяснить его

контекстуальной зависимостью и необходимостью использования модусных элементов для включения его в текст.

Чаще запрос об информации оформляется в виде просьбы, как в двух последних примерах (3) и (4) или в следующих:

- (5) *Sage mir nun auch von Dir, von Deinem Hause; bist Du eingezogen? usw* [11, S. 242];
- (6) *...sage mir Deine Gedanken über dieses und jenes...* [11, S. 179].

Языковое оформление просьбы может иметь разную модальность — либо побудительную (как в выше приведенных примерах), либо (с учетом правил речевого этикета) потенциальной нереальности:

- (7) *Möchtest Du mir gelegentlich... die eigentlichen Gravamina gegen die innere Einrichtung des neuen Berliner Theaters mitteilen, so wäre ich in Klarheit über einen Zustand, an dem ich teinehme* [11, S. 73].

Реагирующие реплики представляют собой либо ответ на иницирующий вопрос Целтнера в его предшествующем письме, либо отклик Гёте на то или иное сообщение друга, в том числе выражение благодарности. Первое является предсказуемым элементом переписки и ожидается эпистолярным собеседником, второе — нет. Поскольку ответ на вопрос или просьбу адресата не следует непосредственно, как в устном диалоге, а является «отсроченной» реакцией и соответственно одним из структурных элементов письма, он сопровождается ссылками на высказывание адресата (подчеркнуты в примерах), инициировавшего ответ:

- (8) *Hier liegt auch ein Brief von meiner Mutter bei, den Du wünschest;...* [11, S. 141].

Ссылки часто связываются с контекстом посредством метакоммуникативных элементов (подчеркнуты в примерах):

- (9) *Wenn Du aber nach dem „Faust“ fragst, so kann ich Dir erwidern, dass der zweite Teil nun auch in sich abgeschlossen ist* [11, S. 450];
- (10) *Nun will ich also in umgekehrter Ordnung auf Deine Briefe einiges erwidern* [11, S. 16].

Метакоммуникативные элементы в письме очень распространены. Они либо выполняют контактоустанавливающую и одновременно связующую функцию, как в иницирующих репликах вопроса и просьбы (примеры (2), (3)), либо осуществляют переход к новой реплике — например, в реагирующих репликах (9), (10).

Кроме примеров (9) и (10) приведем еще несколько типичных случаев метакоммуникативных связок, которые вводят реплику:

- (11) *Nun zu der Witterung als einem Hauptfordernis der Reise- und Badetage!* [11, S. 15];
- (12) *Noch eins: Habe ja die Gefälligkeit, Herrn Tieck sogleich wissen zu lassen, dass der Abguss des Antinous... glücklich angekommen* [11, S. 287];
- (13) *Ein Wort von meiner Lektüre!* [11, S. 347].

В соответствии со стратегией аккумуляции, которой следует автор письма, тематическая связь между репликами в большинстве случаев отсутствует. Ее отсутствие компенсируют метакоммуникативные связки, выполняя функцию перехода к новой теме и одновременно эксплицируя перечислительную связь реплик в тексте.

Реакция Гёте как автора ответного письма может специально не инициироваться вопросом или просьбой его эпистолярного собеседника. Стимулом для отклика может быть та или иная информация в полученном письме, которая заинтересовала Гёте, или оказанная другом услуга, требующая в соответствии с принципом вежливости выражения благодарности. При этом в ответном тексте этот стимул, вызвавший отклик Гёте, может быть назван (см. далее примеры (14) и (15)) или (реже) имплицитен, так что формулируется только реагирующая реплика (см. пример (16)):

- (14) *Das gute Wort, das Du über den „Prolog“ sagst, erfreut mich sehr...* [11, S.72–73];
- (15) *Für die Berichtigung der Namen danke ich zum schönsten* [11, S.327];
- (16) *Da ich Dir übrigens nichts abschlagen kann, so folgen auch die paar Strophen zu Maras Feste* [11, S.426].

В последнем примере стимулом, на который Гёте приходится реагировать, является просьба Цельтера прислать стихи в честь певицы Шмелинг Мара. Этот стимул в ответном письме Гёте не формулируется прямо, но подразумевается, восстанавливаясь как пропущенное логическое звено.

Стимул для ответной реплики может быть вовсе скрыт для постороннего читателя, хотя вполне очевиден для адресата. Об этом свидетельствует письмо Гёте от 19 марта 1827 г., которое открывается следующей реагирующей репликой:

- (17) *Was soll der Freund dem Freunde in solchem Falle erwidern! Ein gleiches Unheil schloss uns aufs engste zusammen, so dass der Verein nicht inniger sein kann* [11, S.235].

Очевидно, что реплика Гёте выражает соболезнование другу. Однако причина несчастья, постигшего Цельтера, которая в тексте обозначена словосочетанием *in solchem Falle*, не понятна постороннему читателю. Синсемантика этого выражения отсылает к контексту письма, полученного от Цельтера, в котором он сообщает о смерти единственного сына.

Имплицитная мотивированность отдельных композиционных элементов письма, предполагающая у обоих коммуникантов общие пресуппозиции, его коммуникативная и семантическая зависимость от текста партнера по переписке — дополнительное свидетельство диалогической природы эпистолярного текста. Однако для писем Гёте имплицитную мотивированность реплик нельзя признать характерной, что связано, как представляется, с логической ясностью его индивидуального стиля.

Что касается информирующих реплик, которые, как говорилось, занимают значительное место в письмах Гёте к Цельтеру, то они могут быть более или менее протяженными и в первом случае иметь монологическое строение. Монологизированные реплики имеют различную тематику и представляют собой нарративные, релятивные или аргументирующие речевые ходы. Они требуют отдельного рассмотрения, но в рамках задач настоящей статьи можно сказать, что с точки зрения выполнения диалогической функции они являются более слабыми элементами текста.

Подводя итог, следует сказать, что диалогичность как фундаментальное свойство речи имеет в различных речевых жанрах свою коммуникативную и языковую специфику. Специфика диалогичности в эпистолярном тексте заключается в его особой организации, при которой составляющие его элементы выполняют диалогич-

ческую функцию реплик. Реплики обладают завершенностью, имеют разные прагматические цели и тематически не связаны между собой. Реплицирование и аккумулятивная стратегия нанизывания текстовых элементов, нарушающие целостность и связность монологического высказывания, позволяют считать жанр частного письма диалогизированным монологом.

Лингвопрагматический анализ писем Гёте к Цельтеру позволил определить намерения адресанта, обращенные к адресату, которые свидетельствуют о характере их отношений, а также проследить формулирование этих намерений в виде иницилирующих, реагирующих и информирующих реплик. Иницилирующие реплики формулируются в виде вопроса (прямого или косвенного) и просьбы. В реагирующих репликах, образующих коммуникативный комплекс с репликой из предыдущего письма партнера, стимул к отклику на нее может быть назван или имплицитен. Для эпистолярных текстов Гёте характерно эксплицитное формулирование стимула к отклику, что способствует логической ясности его эпистолярного стиля, которая характерна для его стилевой системы вообще. Эту же стилистическую функцию выполняют многочисленные и лингвистически разнообразно представленные метакоммуникативные связи. Диалогичность писем Гёте с ее отчетливым реплицированием свидетельствует о стремлении автора к разговорности эпистолярного стиля, желании «писать как говоришь».

Литература

1. *Weinrich Hennig*. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964. 358 S.
2. *Фесенко О. П.* Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009. 37 с.
3. *Emert Karl*. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. Reihe Germanistische Linguistik 20. Tübingen: M. Niemeyer, 1979. 226 S.
4. Briefkultur: Texte und Interpretationen — von Martin Luther bis Thomas Bernhard / Hrsg. von J. Schuster, J. Strobel. Berlin; Boston: W. de Gruyter GmbH & Co. KG, 2013. 409 S.
5. *Кокунина Е. В.* Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 22 с.
6. Риторика монолога / под ред. А. И. Варшавской. СПб.: ХИМЕРА, 2002. 234 с.
7. *Семенюк Н. Н.* Развитие немецкого литературного языка в эпоху Просвещения // Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984. С. 174–231.
8. *Langen August*. Deutsche Sprachgeschichte vom Barock bis zur Gegenwart // Deutsche Philologie im Aufriss. Bd. 1. / Hrsg. von W. Stammler. Berlin, 1978.
9. *Vellusig Robert*. Schriftliche Gespräche: Briefkultur im 18. Jahrhundert. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag Ges. m. b. H. und Co. KG., 2000. 180 S.
10. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 310.
11. *Goethe J. W.* Briefe in drei Bänden. Bd. 2. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1970. 610 S.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Новожилова Ксения Ростиславовна — кандидат филологических наук, доцент;
nowojilowa.xenya@yandex.ru

Novozhilova Xenija R. — Candidate in Philology, Associate Professor; nowojilowa.xenya@yandex.ru